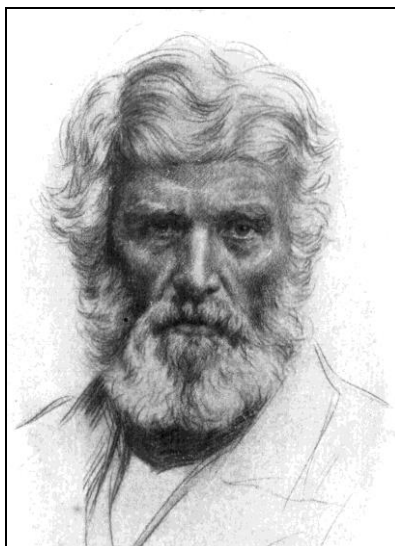

ТОМАС КАРЛАЙЛ (1795-1881)

Томас Карлайл (Carlyle)¹ "возбуждает много мыслей". Но читать его книги (за исключением "Французской революции") трудно; во многом – из-за цветистого, выпяченного слога и "очень индивидуального" мышления ("он мыслит образами"). Его "своеобразная манера писать" и его язык ("не имеющий ничего общего с тем, что в те времена считалось правильной английской прозой") часто служили камнем преткновения для широкого распространения его сочинений. "Людям будущего трудно будет объяснить себе, почему этот мыслитель приобрёл такую власть над нашей эпохой" (Саймонс). Тем не менее, на его книгах было воспитано целое поколение энергичных общественных деятелей, бодро делающих своё дело в различных областях общественной жизни.

Масса, всецело погружённая в житейские заботы, не могла воодушевить его своим примером. Он ищет другой опоры: это – *личность*; это – *герой*... В эпоху, когда политэкономы думали, что промышленная революция автоматически приведёт ко всеобщему благоденствию, Карлайл понял, что она влечёт за собой свержение вековых духовных устоев общества. В эпоху жарких споров о том, какая степень свободы допустима для индивидуальной личности, он увидел, что свобода достигается одним социальным классом за счёт другого и что она не отвлечённая идея, а конкретная реальность (Саймонс).

Карлайл получил большую часть своего образования самостоятельно. Даже немецкий язык он изучал самостоятельно (по словарю с кратким очерком грамматики). В какой-то момент он обнаружил, что он уже может читать в подлиннике Гёте и Фихте... Некоторое время он работал школьным учителем (больше всего ему нравилась геометрия) и зарабатывал всего 70 фунтов стерлингов в год. Но уже тогда он отказывался от выгодных

¹ В "Большой Российской Энциклопедии" – Карлейль.

предложений, полагая, что свободный человек не должен соглашаться на то, что никак не помогает его духовному развитию... В 1823-ем году его попросили написать краткую биографию Шиллера для журнала *London Magazine* – так началась его известность как специалиста по немецкой литературе и по немецкой философии. Джон Стюарт Милль помог ему устроиться в Лондоне, и в 1834-ом году было опубликовано единственное художественное произведение Карлайла – роман *Sartor Resartus*. Эта книга не имела успеха у современников, но была и остаётся одним из самых значительных произведений знаменитого философа. Хотя в этом романе развивается любовный сюжет, большая часть книги посвящена обсуждению теологических и социальных вопросов... В том же году он начал работу над книгой по истории Французской революции.

Карлайл изучил огромное количество документов и сумел превратить сухие отчёты и статистические справки в исполненное драматизма повествование. Первый том назывался "Бастилия", второй – "Конституция". Ужасы периода террора были описаны в третьем томе ("Гильотина"). Рукопись этой книги Карлайл дал почитать своему близкому другу – Джону Стюарту Миллю. Милль в свою очередь дал эту рукопись для прочтения своей подруге Хэрриет Тэйлор, в доме которой слуги случайно сожгли эту рукопись в камине. Конечно же, появились слухи, что миссис Тэйлор специально сожгла эту рукопись, хотя Милль, разумеется, взял всю вину на себя. Можно себе только представить, что чувствовал Карлайл и что чувствовал его друг! Черновики этой книги не сохранились и Карлайлу пришлось переписывать всю книгу заново! Через три года работа была закончена. Эта книга принесла ему славу и материальное благополучие. Он стал своим человеком в кругу самых выдающихся английских литераторов и начал выступать с публичными лекциями по немецкой литературе и по истории Французской революции. Эти лекции (в особенности, цикл лекций "Герои, почитание героев и героическое в истории") увеличили его славу и упрочили его материальное благополучие...

Книга о Кромвеле стоила Карлайлу большого труда и больших сомнений: одно дело описывать подвиги далёкого и малопонятного Магомета, и совсем другое – писать в Англии биографию англичанина, посмеявшего казнить английского короля... После нескольких лет молчания и неудачных публикаций, в 1851-ом году, в возрасте 56 лет Карлайл ощутил потребность взяться за новую большую книгу – он начал работать над биографией прусского короля Фридриха Великого. В этой книге должно было соединиться всё – и многолетний интерес автора к немецкой культуре, и его преклонение перед "героями", которые делают историю, и его недовольство "материализмом" современной ему Англии (под материализмом тогда понимали стремление к материальным благам, к улучшению своего материального положения, пусть даже и в ущерб своему духовному развитию). После выхода из печати первых двух томов этого труда даже самые строгие критики вынуждены были признать, что стареющий Карлайл (в 1865-ом году ему исполнилось 70 лет), оказывается, "жив и даже способен создать почти что классический труд". Критики единодушно отмечали не только историческую, но и художественную ценность этой книги.

В 1866-ом году Карлайл был избран ректором Эдинбургского университета, победив другого кандидата (и не кого-нибудь, а самого Дизраэли!) И в том же году умерла его жена, с которой его связывали многолетние и очень непростые отношения... Вплоть до

своего 80-летия Карлайл был полон энергии интенсивно трудился и принимал активное участие в общественной жизни.

В последние годы своей жизни он приводил в порядок свой архив, издавал свои прошлые работы и письма, и закончил свой путь (начавшийся с преподавания геометрии в школе за 70 фунтов в год) всемирно известным писателем и мыслителем, оставив своим наследникам трёхэтажный дом в Лондоне, 40 тысяч фунтов стерлингов и права на получение авторского гонорара с переиздания его произведений.

"ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ" (1837)

1. Бастилия

"Любой предмет является неисчерпаемым объектом для познания, и глаз видит в предмете ровно столько, сколько смотрящий понимает в нём". Как, например, по-разному видят Вселенную Ньютон и его собака Дайэмонд! А между тем, картинка на сетчатке глаза у них, весьма возможно, была одинаковой.

Святость состоит в глубоком уважении к тому, что лучше нас.

Лорд Честерфилд писал незадолго до революции: "Буду краток: все признаки, которые я когда-либо встречал в истории и которые обычно предшествуют государственному перевороту и революции, существуют теперь во Франции и умножаются с каждым днём".

- Что я сделал такого что меня все так ненавидят?
- Твоя вина в том и состоит, что ты ничего не сделал.

NB Афоризм Монтескье: "Счастливы народы, чьи летописи производят скучное впечатление". Другие варианты: "Счастлив народ, коего календари остаются пустыми" или "Счастлив народ, у которого нет истории".

NB Мы с вами живём в прекрасном мире, и бедная история, быть может, спросит удивлённо: "Откуда всё это взялось?" Об этом ей известно очень мало, гораздо больше она знает о том, что мешало или пыталось задержать его расцвет.

Всё, что возникает и развивается, имеет, подобно луговым травам, свой особый срок – годовой, столетний, тысячелетний! Благодаря этому годовому закону всё, что рождается, через какое-то время умирает. Не составляют исключения из этого закона и явления духовного порядка. Но и для самого мудрого из мудрецов непостижимы законы духовного развития, непредсказуемы сроки жизни.

Говорят, что перед землетрясением часто стоит прекрасная, ясная погода; точно так же перед революцией люди полны надежд и благих ожиданий ... Возвещён приход Золотого Века, кругом "смягченье нравов", гуманные учреждения, политики говорят даже о вечном мире между народами ... Посмотрите: порок приобрёл приличные формы (т. е. действует по общепринятым правилам); поборников философии Просвещения с радостью

принимают в великосветских салонах и гордятся общением с философами, которые проповедуют приход новой эры ... "Близится век революций!" – пишет Жан-Жак Руссо, но революций благословенных, несущих счастье. Посмотрите, люди, на восток, туда, где разгорается заря нового утра! Пробудитесь же от долгого сна! Отныне на Земле воцарятся истина и справедливость – основные принципы философии Просвещения. Ибо можете ли вы представить себе какую-либо иную (кроме счастья) цель, ради которой был создан человек? Достижения науки – несомненная гарантия тому. Короли станут философами или же философы станут королями. Надо только, чтобы общество было устроено "правильно". И тогда труд перестанет быть печальной необходимостью и станет приносить радость ...

Вы, конечно, сразу подумаете: хлеб сам не родится, и, значит, кто-то должен пахать землю, заниматься тяжёлым крестьянским трудом – ну а почему бы нам в самом деле не механизировать его? Портные и владельцы ресторанов, всегда готовые к вашим услугам, не возьмут с вас ни гроша ... Впрочем, пока не ясно, как это всё устроится. По-видимому, всеобщая благожелательность приведёт к тому, что каждый будет считать своим долгом заботу об остальных...

Если отбросить радужные пары сентиментализма и филантропии, какими узами связаны все люди между собой? Какие силы удерживают их вместе? Все они охвачены алчным стремлением к красивым вещам, и, по-видимому, нет никакого другого закона которому бы они подчинялись!

N Так уж устроен наш с вами мир, что живут в нём одновременно нерушимая надежда на лучшее будущее и нерушимое стремление сохранить всё, как было раньше; вечно спорят друг с другом новаторство и консерватизм, попеременно беря верх в этом споре.

Либералы придумали какую-то новую эру – пусть будет новая эра. Но чтоб никаких урезываний средств, отпускаемых на содержание двора! Между тем, дела идут всё хуже и хуже: бедность, несмотря на советы философов, стесняет действия даже самого короля.

Из-за океана вернулись благородные волонтеры свободы и теперь всюду проповедуют её. Непобедимая и неприступная, гордо стоит демократия в Новом Свете во весь свой гигантский рост. Но что делать с финансами? Это, конечно, самый главный вопрос, и никаким лучезарным надеждам не прогнать эту маленькую тучку, чернеющую на горизонте...

Какое великолепное изобретение! Как это прекрасно подняться в воздух к самому небу! К сожалению, у воздушного шара есть и недостаток: он совершенно неуправляем. Это в достаточной мере символично – таков уж век благих ожиданий.

Удивительное это существо – человек! Изумительна в нём способность властвовать над себе подобными, а потому в любую эпоху знахарь и шарлатан не останутся без денег.

Нескончаемые теоретические разглагольствования о человеке и его душе, о философии государства, о прогрессе человечества и т. д. и т. п., не могут служить опорой для благих ожиданий, потому что они обыкновенные предвестники состояния безысходности и отчаяния.

Во Франции на всё смотрят с практической точки зрения и потому видят одни только недостатки. Вам обещана необходимая обществу перестройка? Но кто же начнёт её с самого себя?

Править Францией всегда было трудно, теперь же к воплям несчастного народа добавился вопль потерявшего привилегии двора. Упразднены шестьсот придворных должностей. Дефицит огромен. Дурное управление и расточительность вполне очевидны. Напекают даже на хищения ... ! Как сказал один придворный: "Все подставляли руки, ну а я подставил шляпу" ...

Уличные зеваки задерживаются перед гравюрами на которых изображён крестьянин, созывающий всю птицу со двора и обращающийся к ней с такой речью: "Дорогие животные, я созвал вас, чтобы обсудить с вами вопрос, под каким соусом вас подавать?"; на что петух отвечает: "Мы не желаем быть съеденными", – но его останавливают: "Вы уклоняетесь от темы обсуждения" ...

NB Духовное банкротство наступило уже давно, но оно стало невыносимым, когда перешло в банкротство экономическое ...

Действия – могут привести к печальным результатам. Инертность – ненаказуема. И непобедима...

[Ломени-Бриенн] всю жизнь "ощущал своё предназначение для высоких постов" и наконец обрёл их. Он управляет финансами, у него будет титул первого министра, и цель его долгой жизни будет достигнута. Жаль только, что получение поста потребовало стольких сил и таланта, что для исполнения обязанностей не осталось таланта и силы!

Памфлеты "сыплются как снег, который, кажется, может засыпать правительству все дороги". Наступило время друзей свободы, разумных и неразумных. Французский народ, столь долго роптавший в нетерпеливом ожидании, начинает стягиваться и сколачиваться в большие группы, которые впитывают в себя более мелкие группы. Нечленораздельный ропот становится членораздельной речью, речь – переходит в действие.

Несомненно, что Франция в лице своего Национального собрания получила нечто; более того – нечто великое, важное, необходимое. Но что именно? Вопрос – трудноразрешимый даже для позднейшего трезвого наблюдателя и совершенно неразрешимый для действующих лиц, находившихся в гуще событий.

Великое – это объединённый глас людей, выражение их инстинктов, которые вернее, чем их мысли; это самое грандиозное, с чем может столкнуться человек среди звуков и теней, которые образуют этот мир.

Велик час, когда весть о свободе приходит к нам, когда поднимается порабощённая душа из презренного застоя. Быть свободным – это глубокая, хоть и не всегда осознанная потребность всего нашего естества. Свобода – это единственная цель всей человеческой борьбы, трудов и страданий на этой земле.

Рассветает утро 14 июля. Под всеми крышами бурлящего города назревает развязка драмы, не лишённой трагизма. Сколько суеты и приготовлений, страхов и угроз, сколько слёз пролито из стареющих глаз! В этот день, сыны мои, будьте мужчинами. В память о страданиях ваших отцов, ради надежды на права ваших детей! Тирания угрожает неистовой злобой, и ничто не поможет вам, кроме ваших собственных рук. Сегодня вы должны погибнуть или победить...

Посмотрите на пристава Майяра: ловкий человек! Он идёт по доске, раскачивающейся над пропастью каменного рва: доска покоится на парапете, удерживаемая тяжестью тел патриотов. Осторожно, ловкий пристав! Один человек уже упал и разбился далеко внизу, там, на камнях! Но пристав Майяр не падает: он идёт осторожно, точными шагами, с вытянутыми руками. Швейцарец протягивает бумажку через бойницу, ловкий пристав хватает её и возвращается. Условия сдачи – прощение и безопасность для всех! Приняты ли они? Да. "Под честное слово офицера". Зачем останавливаться на том, что последовало? "Честное слово офицера" следовало бы сдержать, но это было невозможно... Подъёмный мост медленно опускается, внутрь врывается живой поток... Победа! Бастилия пала! Бастилия взята!

Поздно ночью герцог де Лианкур, имеющий официальное право беспрепятственного входа, получает доступ в королевские покои и излагает с серьёзной добросовестностью эту весть. "Но это же мятеж!" – говорит бедный Людовик. – "Сир, – отвечает Лианкур, – это не мятеж, это революция".

Падающие камни Бастилии гремят в темноте, белеют бумаги из архива. Старые секреты выходят на свет, и долго подавляемое отчаяние обретает голос. Прочтите кусок одного старого письма: "Если бы для моего утешения и ради Бога и Святейшей Троицы монсеньер благоволил разрешить мне получить весточку от моей дорогой жены, хотя бы только её подпись на карточке, чтобы показать, что она жива! Это было бы величайшим утешением, которое я могу получить, и я всегда благословлял бы великодушие монсеньера". Бедный узник по фамилии Кере-Демери, о котором, кроме фамилии, ничего больше не известно! Бедный узник! Твоя дорогая жена мертва, смерть пришла и к тебе! Прошло 50 лет с тех пор, как твоё разбитое сердце задало этот вопрос, который впервые услышан только теперь и долго ещё будет отзываться в сердцах людей...

Бастилия должна быть стёрта с лица земли, а вместе с нею – феодализм, деспотизм и, как надеются, подлость вообще и всё угнетение человека человеком. Увы, подлость и угнетение не так-то легко уничтожить!

Что же касается Бастилии, то она с каждым днём и с каждым месяцем разрушается: каменные плиты и валуны непрерывно разваливают по специальному приказу

муниципалитета. Толпы любопытных бродят в её утробе, разглядывают скелеты, найденные замурованными в каменных мешках, железные клетки, каменные плиты с цепями и висячими замками... Ловкие издатели составляют книги из архивов Бастилии, из тех документов, которые не сгорели. Ключ от этой разбойничьей берлоги будет переправлен через Атлантику и ляжет на стол Вашингтона.

Несомненно, месть – своего рода справедливость, но как это дико!

Что означают слова "Французская революция"? Если задуматься, в них вкладывается столько различных значений, сколько людей произносят их. Всё в мире развивается, изменяется из минуты в минуту, но это заметно лишь при переходе от эпохи к эпохе. Вы можете ответить, что революция – это более быстрое изменение. На что можно снова спросить: насколько более быстрое? В какой именно момент этого неравномерного процесса, который различается скоростью, но никогда не останавливается, пока не остановится само время, начинается и кончается революция? В какой момент она перестаёт быть простым преобразованием и становится именно революцией? Ответы на эти вопросы в большей или меньшей степени зависят от её определения. Для себя мы отвечаем, что Французская революция – это открытое восстание и насильственная победа вырвавшейся на свободу анархии против разложившейся, исчерпавшей себя власти; это анархия, которая взламывает тюрьмы, выплёскивается из бездонных глубин и бесконтрольно, неудержимо бушует, охватывая мир, которая нарастает от приступа к приступу лихорадочного бешенства, пока не перегорит сама собой, пока не разовьются элементы нового порядка, которые она содержит, пока анархия не будет или упрятана снова в тюрьму, или обуздана, а её безумные силы не окажутся направлены к своему предназначению как "здравые" и контролируемые.

NB Можно создать конституцию, но главная трудность состоит в том, чтобы заставить людей жить в соответствии с ней!

Конституция – это свод законов или предписанных способов поведения, по которым должны жить люди. Это то, что отражает их убеждения, их веру в те права и возможности, которые она им даёт. Можно ли составить конституцию для мятежников и ниспровергателей? Кто может выявить и сформулировать общие убеждения, если таковых нет?

Национальное собрание годно лишь для разрушения, что, по сути, является частным проявлением его природного таланта к ничегонеделанию. Ничего не делайте, продолжайте только препираться – и всё разрушится само собой... Вот какую пищу и вот какое руководство мы получили от вас – пустота в кармане, в желудке, в голове и в сердце!

Никакая ложь не может существовать вечно... Пустые головы, которых не трогали ни мольбы, ни доводы разума, приходится просветлять заревом пожаров – остаётся только этот путь.

"Этот человек кое-что сделает: он верит каждому слову, которое произносит", – замечает Мирабо о Робеспьере...

Всё растёт со скоростью, пропорциональной безумию и нездоровью. Медленный, последовательный рост тоже кончается смертью, но это то, что мы называем здоровьем и здравомыслием.

Мирабо проявлял величие: он давал неопределённые ответы и не связывал себя никакими обещаниями.

Для парижского обывателя остаётся совершенно непостижимым одно: почему теперь, когда Бастилия пала, а свобода Франции восстановлена, Права Человека утверждены голосованием, феодализм и тирания уничтожены, хлеб должен оставаться таким же дорогим как и прежде?

Пылки и неустойчивы сердца женщин. Мужчины не знают, что такое пустеющая кладовая, это знают только матери семейств. Патрули сильны, но смерть от голода сильнее. Патрули могут сдерживать патриотов-мужчин, но не патриоток-женщин. Решится ли гвардия, называемая Национальной, воткнуть штык в грудь женщины?

Насквозь промокшие женщины всей толпой проникли в Собрание и нарушили повестку дня. Они прерывают прения о возрождении Франции голосами: "Хлеба! Хватит этой болтовни!" Как нечувствительны оказались эти несчастные создания к проявлениям парламентского красноречия! ... Мерзость безысходного отчаянья наступила неожиданно, хотя была неизбежна и давно предсказана! Но для слепцов любая вещь неожиданна. Нищета, которая долгие века не имела ни защитника, ни помощника, теперь будет помогать себе сама и говорить сама за себя. Язык же её, один из самых грубых, будет таким, каким он только и может быть...

2. Конституция

Вторая книга слабее. Или перевод слабее (почти исчезли тонкая ирония и умные обобщения)

Всякая действительная власть по существу своему мистична и происходит по "Божьей милости".

Бедный Людовик не был лишён понимания, не был лишён даже элементов воли, некоторая страстность темперамента изредка прорывается сквозь его флегматичный характер. Но сделать что-нибудь ему не дано. Если бы бездеятельность могла спасти его, то всё было бы хорошо...

Для бедного короля Чурбана, швыряемого туда и сюда чужой волей, большое счастье, что он был деревянный и что, не делая ничего, он зато не мог ничего ни видеть, ни чувствовать!

В басне Эзопа, лягушки просили Юпитера дать им царя. Когда Юпитер послал им вместо царя чурбан, то они сначала испугались, а затем, убедившись в безвредности этого предмета, стали скакать по нему.

Журналистика – это великая сила. Каждый способный редактор является властителем мира, обладая возможностью убеждать его; властителем, хотя и самозванным, но санкционируемым количеством распродаваемых им номеров. Правда, публика имеет самый действенный способ низложить его: стоит только не покупать его газеты, и он умрёт с голоду.

Если бы все люди были таковы, что договор мог связывать их, то правительства были бы излишними.

Даже патриоты не могут отрицать, что предстоят трудности: аристократы эмигрируют; местные парламенты тайно, но весьма опасно бунтуют, а самое главное – ощущается "явный недостаток хлеба". Если же хлеба недостаёт, то виноваты в этом не природа и не Национальное собрание, а только враждебные народу интриганы... Крайне простая идея, но близкая всему миру, живая, своевременная и выросшая до неизмеримых размеров...

Люди любят бесстрашие и быструю, непоколебимую решимость, хотя бы им и приходилось самим страдать от неё.

За цветущим летом приходит осень увядания. И это относится не к одним только посевам, а ко всем делам, начинаниям, философским и социальным системам, французским революциям, короче – ко всему, что делает человек в этом мире ... Всё, что вне нас, и многое из того, что внутри нас, изменяется незаметно для нас самих.

NB Без морали свобода невозможна.

Камбон – отец бумажных денег; в грозный час он произнесёт веское слово: "Мир – хижинам, война – дворцам!" (*Guerre aux chateaux, paix aux chaumieres*)

Уравнивание может быть приятно, но только до нашего собственного уровня.

Восстание – дело трудное: каждый человек не совсем уверен даже в ближайшем соседе, совершенно не уверен в дальних соседях, не знает, какая сила с ним, какая против него, и твёрдо уверен только в одном: что в случае неудачи его удел – виселица!

3. Гильотина

Крайне опасно, когда нация, отбросив свои политические и общественные установления, должна прокладывать себе дикие тропы сквозь хаотическое Новое, где сила ещё не отличает дозволенного от запрещённого и преступление и добродетель бушуют вместе – нераздельные, во власти страстей и ужаса...

Каждый пёс имеет свой праздник, даже бешеный пёс ... Прискорбно, хотя и естественно, что история этого периода писалась почти исключительно в припадках истерики.

Множество преувеличений, проклятий, воплей и много неясного ... Тем не менее, во всех человеческих движениях, даже только что возникших, есть порядок или начало порядка.

Два больших движения волнуют расстроенный ум нации: движение против внутренних изменников и движение против чужеземных деспотов. Оба эти движения безумны, не сдерживаются никаким законом, они диктуются самыми сильными страстями человеческой природы: любовью, ненавистью, мстительным горем, тщеславным и не менее мстительным национальным чувством ... Вырывают чугунные решётки и перековывают их на пики; даже цепи перековывают на пики. Выкапывают свинцовые гробы и переливают их на пули. Снимают церковные колокола и переплавляют на пушки; серебряную церковную утварь перечеканивают в монету ... Каретных лошадей хватают за уздечки и впрягают в пушки, построжки перерезают, экипажи остаются на дороге ... Уходят в тюрьму известные и знаменитые люди; уходят и безвестные, если у них есть обвинитель ... Побуждает ли их лихорадочное безумство патриотизма или корыстолюбие и плата в луидор? Нет, не корыстолюбие, потому что золотые часы, кольца, деньги убитых аккуратно приносятся в городскую Ратушу самими убийцами без штанов, которые торгуются потом из-за своего луидора ... Хотя мир, в котором мы живём, не мир сатаны, но сатана всегда пребывает в нём и время от времени вырывается наружу...

Согласно подсчётам французского историка П. Карона, в сентябрьские дни 1792 г. в Париже могло быть убито до 1395 человек из 2782 заключённых в девяти тюрьмах, где совершались избиения.

Комитет общественного спасения издаёт циркуляр, помеченный 3 сентября 1792 года и разосланный по всем городским управлениям; это слишком замечательный государственный акт, чтобы обойти его молчанием. "Часть ярких заговорщиков, содержащихся в тюрьмах, – гласит он, – была казнена народом; эти акты правосудия народ считал необходимыми для того, чтобы, устранив террором, сдержать легионы изменников, укрывающихся в стенах Парижа как раз в тот момент, когда народ собирался выступить против иноземного врага; вне всякого сомнения, нация после длинного ряда измен, приведших её на край пропасти, поспешит одобрить полезную и столь необходимую меру, и все французы, подобно парижанам, скажут себе: "Мы идём на врага, и мы не оставим у себя за спиной бандитов, чтобы они уничтожали наших жён и детей".

21 сентября 1792 г. было объявлено провозглашение Республики. День 21 сентября по решению Конвента стал начальной датой "новой эры" – IV года свободы, первого года Республики.

В высшей степени странно видеть, как французский народ внезапно кидается от "Vive le Roi!" к "Vive la République!" и кипит, и танцует, стряхивая с себя, и втапывая в пыль свои старые социальные одежды, образ мыслей, законы, по которым он прежде существовал, и беззаботно несётся навстречу беззаконию, неизвестности, с сердцем, полным надежд, и с единственным кликом: "Свобода, Равенство и Братство" – на устах ... Старые одежды с их украшениями спадают (говорим мы) так скоро, потому, что пришли в ветхость, и народ топчет их в своей пляске. А новые? Где же они? Где новые моды и законы? Свобода, Равенство, Братство – это не одежды, а только пожелания ... Человек не живёт без формул, без привычек, способов действия и бытия: *Ubi homines sunt modi sunt* (где люди – там и обычаи) – нет изречения вернее этого. Обычаи есть всюду, где есть люди. Это самый сокровенный закон человеческой природы, благодаря которому человек делается

не рабом импульсов, случайностей и дикой природы, а до некоторой степени их господином.

N Удивительно ли, что в период революции и уничтожения всех законов царит беззаконие?

NB Прошлое всегда обманчиво. Из прошлого всегда исключается обманчивым образом (и мы этого не замечаем) один весьма важный элемент: элемент страха! Теперь нет страха неизвестности, беспокойства, но они были тогда, преследовали, мучили современников, превращая для них все временные формы в одно настоящее!

Сегодня мы знаем, "чем дело кончилось", но ведь люди, жившие в то время, этого не знали! И в условиях этого неведения каждому надо было принимать жизненно важные решения...

Растягивание формул, пока они не треснут, представляет (особенно – в периоды быстрых перемен) одну из печальнейших задач, выпадающих на долю бедного человечества. Каждый день с трибуны гремят речи: нужно растянуть старую формулу так, чтобы она покрыла новое содержание.

Казнь короля, называть ли её мученичеством или достойной карой, оказала большое влияние! В самой Франции убийство короля разделило многих друзей, а за пределами её соединило всех врагов.

Движение, по самой природе своей лишённое порядка, возникшее вне и ниже пределов порядка, должно действовать и развиваться как хаос – разрушительно и самоистребительно, до тех пор пока не появится нечто, заключающее в себе порядок и достаточно сильное, чтобы снова подчинить себе это движение ... Одна партия за другой будут приходить к убеждению, что они не могут не только действовать совместно, но и существовать совместно ... Движение свободных человеческих умов превращается в яростный шквал фанатизма.

Главными двигателями Французской революции были голод, нищета и тяжёлый, кошмарный гнёт, а не оскорблённое самолюбие или спорные воззрения философствующих адвокатов.

Денежный мешок – это самое худшее и низменное из всех знамён и символов власти среди людей; такое возможно только во времена всеобщего атеизма и неверия во всё, за исключением грубой силы.

Что касается числа партий, то партий будет столько же, сколько мнений. Обычно бывает две партии одновременно; когда борются эти две партии, все меньшие оттенки партий соединяются под сенью наиболее подходящей им по цвету; когда же одна из двух победит другую, то она в свою очередь разделяется, сама себя разрушая, и таким образом процесс продолжается, сколько понадобится. Таково течение революций: так называемые общественные узы разрываются и все законы, не являющиеся законами природы, превращаются в ничто, оставаясь лишь простыми формулами.

! Французская нация в течение нескольких лет верила в возможное, даже в неизбежное и скорое наступление всемирного Золотого Века, царства Свободы, Равенства и Братства, в котором человек человеку будет братом, а горе и грех исчезнут с земли. Нет хлеба для еды, нет мыла для стирки, а царство полного счастья уже у порога, раз Бастилия пала!

Шарлотта Корде: "Это я убила Марата... Я убила одного человека, чтобы спасти сотни тысяч других" ...

Когда палач поднял отрубленную голову, чтобы показать её народу, он презрительно ударил её по щеке. ! Полиция заключила его за это в тюрьму.

Что может противопоставить якобинский Конвент неисчислимым трудностям, ужасам и бедствиям? Наши враги теснят нас, говорит Дантон, но покорить нас им не удастся; "скорее мы обратим в пепел Францию".

Такие вот патриоты...

Луве решается идти в Париж и пускается в путь, разбрызгивая грязь вокруг себя, с новой силой, вызванной яростью или безумием. Он проходит деревни, находя "часовых, заснувших в своих будках под проливным дождём", он проходит раньше, чем его успевают окликнуть. Он обманывает революционные комитеты, проезжает в закрытых и открытых телегах ломовых извозчиков, спрятанный под кладью; проезжает однажды по улицам Орлеана под ранцами и плащами солдатских жён, в то время когда его ищут; испытывает такие приключения, которые составили бы три романа; наконец попадает в Париж к своей прекрасной подруге, бежит с нею в Швейцарию и ждёт там лучших дней.

NB Сколько прекрасных геройских душ послано в царство теней! Жирондисты были отданы на добычу псам и птицам! Как сказал Верньо, "революция пожирает своих собственных детей".

Жестокой была и судьба бедного Байи, председателя Национального собрания и первого мэра города Парижа ... Усталое сердце старика ещё отбивает удар за ударом в продолжение долгих часов среди проклятий, под леденящим дождём! "Байи, ты дрожишь!" – замечает кто-то. "От холода, друг мой," – отвечает Байи.

Арест за арестом следуют быстро, непрерывно, сопровождаемые смертью. Барер метко назвал это "чеканкой монеты на площади Революции", так как имущество виновного, "если он имеет таковое", конфискуется. Во избежание случайностей издаётся даже закон, в силу которого самоубийство не должно обездоливать нацию: преступник, покончивший самоубийством, не избавляется от конфискации его имущества.

Лион обречён на разрушение, самое имя его должно исчезнуть. Этот большой город будет стёрт с лица земли, если сбудется якобинское пророчество, и на развалинах его будет воздвигнут столб с надписью: "Лион восстал против Республики. Лион больше не существует". Каменщики киркой и ломом начинают разрушение... Если бы Лион был из более мягкого материала, он весь исчез бы. Но города строятся не из мыльной пены, город

Лион был построен из камня, и хотя он и восстал против Республики, однако существует до нынешнего дня.

Тулон ещё не взят. Собирается военный совет: только что прибыли инструкции от Конвента и Комитета общественного спасения. Карно прислал план осады. План этот критикуют, и тогда осмеливается высказать своё мнение молодой артиллерийский офицер по имени Наполеон Бонапарт; его почтительное мнение, выведенное из наблюдений в подзорную трубу и вычислений, состоит в том, что форт Эгильет может быть захвачен внезапно, так сказать, львиным прыжком, а когда он будет в наших руках, мы получим возможность обстреливать самое сердце Тулона. Комиссары вопросительно, с сомнением поднимают брови: "Кто этот молодой человек, который считает себя умнее всех нас?" Однако генерал Дюгомье полагает, что эта идея заслуживает внимания. "Попробуйте" – говорит он...

Канонада прекратилась в Тулоне; теперь начнутся расстрелы и казни. 12 тысяч каменщиков вытребованы из окрестностей, чтобы срыть Тулон с лица земли. Оставим его теперь в мрачном облаке смерти, но с надеждой, что и Тулон построен из камня, и даже 12 тысяч каменщиков не смогут снести его с лица земли, прежде чем пройдёт вспышка гнева.

Гильотинирование продолжалось в Нанте, пока палач не отказался, выбившись из сил. Затем последовали расстрелы: расстреливали и женщин с грудными младенцами, и маленьких детей: "Это волчата – из них вырастут волки". Расстреливали по 500 человек зараз, пока сами якобинцы не возмутились и все, кроме роты имени Марата, не стали кричать: "Остановитесь!"

"В Медоне, – спокойно говорит Монгайяр, – существовала кожевенная мастерская для выделки человеческих кож. Из кожи тех гильотинированных, которых находили достойными обдиранья, выделялся изумительно хороший материал, наподобие замши, служивший для брюк и для другого употребления. Кожа мужчины, – добавляет он, – превосходила прочностью и иными качествами кожу серны; женская же кожа почти ни на что не годилась – ткань её была слишком мягкой!"

О революционерах:

У них не ум, а скорее инстинкт, способность угадывать, чего желает этот великий вихрь; способность безумнее других желать того, чего желают все; способность не останавливаться ни перед какими препятствиями, не обращать внимания ни на какие соображения – божеские или человеческие; они твёрдо знают, что от божественного или человеческого нужно только одно: уничтожение врагов Республики!

Революция – это безумие, которое живёт в сердцах людей.

Тюрьмы Парижа переполнены. И для каждого шага вам необходимо ваше "свидетельство о гражданстве", хотя бы только для того, чтобы войти или выйти; более того, без него вы не получите и за деньги вашу ежедневную порцию хлеба.

Генералы, справедливо или нет, один за другим отправляются на гильотину. Какой же вывод отсюда? Среди прочих такой: неудача – это смерть, жизнь только в победе! "Победить или умереть!" – в таких обстоятельствах это не театральная фраза, а практическая истина и необходимость.

Знаменитый химик Лавуазье должен умереть. Он просил дать ему ещё две недели жизни, чтобы закончить некоторые химические опыты, но "Республика не нуждается в таковых"...

Шометт, могущественный прокурор, который "мог узнавать подозрительных по лицу", брошен в тюрьму. Осунувшийся, посиневший, входит он в то самое преддверие ада, куда он послал столько людей ... Камиль, не боявшийся когда-то "обнимать Свободу на куче мёртвых тел", начинает теперь спрашивать: не должен ли среди стольких карающих комитетов существовать "комитет милосердия"?

Якобинцы заняты "самоочисткой". И не один Камиль Демулен навлёк на себя подозрения; слышится ропот и против самого Дантона. Но Дантон окриком заставил замолчать обвинителей, и Робеспьер положил конец недоразумению, "обняв его на трибуне".

Дантон и Робеспьер, главные продукты победоносной революции, очутились теперь лицом к лицу и должны выяснить, как они будут жить вместе, управлять вместе. Двух таких главных продуктов было слишком много для одной революции ... Друзья и жена уговаривали Дантона бежать. "Куда бежать? – отвечал он. – Если свободная Франция изгоняет меня, где же найдётся для меня другое убежище? Нельзя унести с собой родину на подошвах своих сапог!" Дантон помолчал, потом сказал: "Они не посмеют", – и пошёл спать. А на другой день он был арестован. Коридоры Люксембургской тюрьмы были переполнены: заключённые толпились в них, чтобы увидеть "гиганта революции", входящего к ним. Слух разносится по всему Парижу. Конвент разбивается на группы, которые шепчутся с широко раскрытыми глазами: "Дантон арестован!" Кто же в таком случае в безопасности?

Было бы интересно знать мысли Дантона в тюрьме, но ни одна из них не стала известной. Слышали только, как он произнёс: "В это же время, двенадцать месяцев назад я предложил учредить Революционный трибунал. Теперь я прошу прощения за это у Бога и у людей ... Лучше быть бедным рыбаком, чем вмешиваться в управление людьми".

Мало кто предполагал, что конец Робеспьера, был концом и самой революционной системы! Менее всех предполагали это взбунтовавшиеся члены Конвента, восставшие с одной целью: продолжать национальное возрождение, сохраняя собственные головы на плечах. И однако, это было в самом деле так. Незначительный камень, который они вынули, такой незначительный в любом другом месте, оказался здесь краеугольным: весь свод здания стал расшатываться, оседать, давать трещины и обваливаться по частям ... Революционные комитеты, не имея подозрительных, чтобы охотиться за ними, быстро погибают от истощения ... Многое отменяется и перестаёт существовать ... Пресса пишет, и человеческий язык говорит по-прежнему – только в противоположном духе... Жагда роскоши овладела всеми. Эмигранты не увезли с собой свои отели и замки с их

обстановкой, и при быстрой смене владельцев эти отели и замки не замедлили найти новых жильцов... Всякий может заметить, что балы имеют в эту зиму совсем новый вид. Лихорадка роскоши вышла наружу; люди разбогатели, прибавилось много новых богачей (а при терроре нельзя было танцевать иначе как в лохмотьях...)

! Книга, полная лжи, но с крупными правды, которых нигде более не найдёшь.

NB Республика без анархии – мы разрешили почти неразрешимую задачу.

Анархия – это сожжение всего ложного и нестерпимого, но сожжение, оставляющее после себя пустоту.

Неясное брожение поднимется в людях, испорченных продолжительным правом на восстание ... 40 тысяч вооружённых борцов присоединяются к секции Лепелетье в уверенности, что она непобедима ... Генерал Мену отправляется с подобающими требованиями и демонстрациями, но они остаются без всякого результата. Около восьми часов вечера Мену, все ещё предъявляющий свои требования, перед заряженными ружьями, направленными в него из всех окон, убеждается, что ему не обезоружить секцию Лепелетье. Он принуждён возвратиться – живой, но без успеха – и подвергнуться аресту как "изменник" ... Некоторые предлагают назначить главнокомандующим Барраса: он победил в термидоре. Другие, более разумные, вспоминают о "гражданине Бонапарте"...

"Неправда, – говорит Наполеон, – что мы стреляли сначала холостыми зарядами; это было бы напрасной тратой времени". Стрельба производилась самыми разрушительными снарядами; для всех было ясно, что это не шутка ... Шесть лет назад, такими залпами картечи грозили, но не могли исполнить угрозу, да это и не помогло бы тогда. Только теперь настало для этого время и явился нужный человек. Вот он пришёл к вам, и явление, которое мы обозначаем словами "Французская революция", развеяно им в прах и стало делом прошлого!

Теперь, читатель, пришло время нам расстаться ... Я был для тебя только голосом. Но наши взаимные отношения были в некотором роде священны! Ибо каким бы пустым звуком ни сделалось всё священное, но, когда голос человека говорит с человеком, разве он для тебя не живой источник, из которого проистекает и будет проистекать всё священное? Человек по природе своей может быть определён как "воплощённое слово".

17 июня 1789 г. Генеральные штаты провозгласили себя Национальным собранием, т. е. не сословным, а общенациональным институтом.

9 июля 1789 г. Национальное собрание стало именоваться Национальным Учредительным собранием. Этим названием оно подчёркивало свою обязанность учредить новый государственный строй – выработать его конституционные основы.

Декларация прав человека и гражданина – программный документ, провозгласивший основные принципы нового, созданного революцией общества. Принята Учредительным собранием 26 августа 1789 г.

Законом от 15 января 1790 г. Учредительное собрание установило новое административное устройство королевства. Вся страна делилась на 83 департамента, более или менее равномерных по величине, разделявшихся в свою очередь на дистрикты, кантоны и коммуны. Новое административное устройство,

окончательно уничтожившее остатки феодальной раздробленности, обеспечивало национальное единство государства и его административное единообразие. Тем самым создавались благоприятные условия для развития торговли и промышленности.

"ГЕРОИ, ПОЧИТАНИЕ ГЕРОЕВ И ГЕРОИЧЕСКОЕ В ИСТОРИИ" (1840)

Всемирная история, история того, что человек совершил в этом мире, есть история великих людей.

Всё, содеянное в этом мире, представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежавших великим людям.

Н Под религией я имею в виду не церковное вероисповедание, а то, во что человек верит. То, что человек принимает близко к сердцу, считает достоверным во всём, что касается его судьбы, – это и есть его религия.

Мысли людей породили дела, которые они делали. А сами их мысли были порождены их чувствами.

Некоторые теоретики считают, что религия – это одно сплошное шарлатанство, плутни жрецов, обман. Я протестую против приложения такой гипотезы ко всякого рода верованиям, которыми люди, совершая свой земной путь, руководствовались в известные эпохи. Конечно, шарлатанства и обмана существует вдоволь, в особенности – на склоне развития этих верований, в эпохи упадка. Но никогда шарлатанство не являлось творческой силой. Оно означало только разложение и служило верным признаком наступающего конца.

Забудем, что это было ошибочное верование, отнесёмся к нему, как к старинной мысли, и посмотрим, нет ли в ней чего-нибудь такого, чему мы могли бы симпатизировать в настоящее время.

Всё, что было в этом мире, всё, что есть и что будет, – всё должно исчезнуть. Но разве мы не сознаём того, что старинное верование живёт в нас наряду с другими истинами?

Надо прислушаться с вниманием и с симпатией к отдалённому, неясному гулу, доходящему до нас от прежних веков. Это шум человеческого существования – всё более возрастающий, начиная с древних времён... "Вот, что мы думали о мире, – говорят нам древние люди... – Вы ушли далеко вперёд от нашего понимания, но ведь и вы не достигли ещё вершины"...

Человека, способного в каждом предмете подмечать то, что заслуживает любви, мы называем поэтом, художником, гением.

Человек является повсюду прирождённым врагом лжи.

Всё, что человек сильно чувствует, он старается, так или иначе, высказать, воспроизвести в видимой форме.

Нас окружают чудеса и тайны. Тайна времени. Тайна человека. Никакая химия не может скрыть от нас того, что пламя есть чудо... Мы перестаём удивляться всему этому, потому что мы перестаём думать об этом. Человек есть чудо из чудес, великая неисповедимая тайна.

Не в прекрасных аллегориях, не в совершенных поэтических символах нуждаются люди. Им необходимо знать, во что они должны верить, на что они могут рассчитывать и чего они должны бояться в этой таинственной жизни.

Общество основано на почитании героев. Вера есть поклонение какому-нибудь вдохновенному учителю, возвышенному герою. Поклонение есть высшая степень удивления.

NB Общественные чиновники, точно банковские билеты, представляют золото. Но среди банковских билетов немало поддельных банкнот. Мы можем производить финансовые операции при некотором количестве фальшивых денежных знаков, но это становится невозможным, когда большая их часть такова. Тогда уже *все* банкноты считаются фальшивыми...

В настоящее время почитание героев признаётся уже культом отжившим, окончательно прекратившим своё существование. Покажите нашим критикам великого человека – и они скажут: "Он был продуктом своего времени". Но я считаю, что почитание героев будет существовать вечно... Эпохи неверия скоро и неизбежно превращаются в эпохи революций... Я сравниваю времена безверия с сухим, мёртвым лесом, ожидающим лишь молнии с неба, которая воспламенила бы его... Нет великого человека, который жил бы напрасно. История мира – это биографии великих людей.

Разве не чувствует всякий правдивый человек, как он сам становится выше, воздавая должное уважение тому, кто действительно выше его.

Уважение – да. Но не слепое поклонение!

Древние скандинавы считали позором и несчастьем умереть не на поле битвы. Но ни один народ не мог бы никогда прожить одной только войной, так как подобное занятие не является достаточно производительным!

!!! Мы созданы из той же материи, из которой созданы наши мечты (надпись на стене в Вестминстерском аббатстве).

С появлением ислама, к герою уже не относятся как к Богу, но относятся как к пророку – как к Богом вдохновлённому человеку. Слово, сказанное Магометом, служило путеводной звездой для 180 миллионов людей в течение двенадцати веков... Относительно великого человека невозможно поверить, чтобы он мог быть неправдивым человеком... Обманщик

создаёт религию? Такое здание не простоит двенадцати столетий, вмещая в себе 180 миллионов жильцов.

Простоит и много дольше, если неуклонно, последовательно и жестоко уничтожать любые ростки сомнения и свободной мысли, зверски убивать таких мыслителей и не допускать распространения просвещения в массе тёмного и неграмотного народа. Этот тёмный народ (180 миллионов или 360 – какая разница?) мало отличается от стада овец, которых пастух гонит туда, куда считает нужным... Религиозный фанатизм тёмного народа – это страшная сила. И устойчивость ислама основана именно на религиозном фанатизме тёмного народа. Ни одна религия (и ислам в том числе) не выдержит натиска свободной мысли, если будут созданы условия для её распространения.

О Магомете: Он не получил никакого образования и не умел писать. Но он никогда не говорил попусту. Если ему нечего было сказать, он молчал. В 25 лет он женился на 40-летней женщине и очень её любил (ему было уже за 50, когда она умерла). До 40 лет он не говорил о какой-либо божественной миссии. И только в старости он "ступил на путь честолюбия"... Ежегодно во время месяца рамазана Магомет удалялся в пустынное место и проводил всё это время в уединении и молчании. Его жена была ещё жива, когда он сказал ей, что не испытывает более сомнений и не блуждает в потёмках, но видит всё ясно: Аллах велик (Allah akbar). Он нас создал. Он поддерживает нас и теперь. Мы должны подчиняться Его воле. Человек поступает правильно, когда связывает себя с великим, глубоко скрытым мировым законом... Таков дух ислама. таков, собственно, и дух христианства. "Если это ислам, – говорил Гёте, – то мы все живём в исламе"... Но есть и существенное различие: ислам предполагает отрицание своего я, уничтожение своего я.

В этом, наверное, и заключается фундаментальное различие между Западом и Востоком. В западной культуре человек старается развивать свою индивидуальность, верит в то, что он как личность может достичь многого в этой жизни. В восточной культуре человек стремится к уничтожению своей индивидуальности, к возможно полному духовному слиянию со своими собратьями по вере. Отсюда вытекают и политические различия: для Запада характерно стремление к личной свободе, и правители вынуждены считаться с этим стремлением своих подданных; восточные государства, как правило, управляются единолично – жёстким и (нередко) жестоким властителем; для него люди – это те же безмозглые бараны, которым требуется строгий пастух... В России правители западного и восточного типа обычно чередуются...

Вся беспорядочность в его поведении относится к тому времени, когда ему было уже за 50 и не стало его доброй Хадиджи. Магомет проповедовал своё учение то одному, то другому человеку, но большинство людей относились к нему с насмешкой и за первые три года он приобрёл не больше 30 последователей. Его дядя и другие родственники уговаривали его хранить молчание, верить втихомолку, не беспокоить своими проповедями других людей. Но он был уверен, что он должен распространить свою веру среди *всех* людей, а потому его повсюду сопровождала ненависть и явная или скрытая опасность. Он принуждён был скрываться в пещерах, переодеваться и менять свою внешность, потому что он постоянно опасался за свою жизнь. На 13-ом году своей пропаганды Магомет бежал в город, который тогда назывался Ятриб, где он встретил радушный приём. Весь Восток ведёт начало своего летоисчисления от этого бегства (хиджры, как называют его мусульмане). Первый год хиджры соответствует 622-ому году нашего летоисчисления. Магомету было тогда уже 53 года. Если до сих пор он распространял свою веру путём проповеди и убеждения, то теперь он решил распространять её огнём и мечом. Истина в учении Магомета перепутывается с

чудовищными заблуждениями и ложью, но не ложь, а истина заставили людей поверить в него.

Мне трудно с этим согласиться. В истину люди верят, потому что она – истина. Страхом можно заставить людей замолчать. Но страхом невозможно заставить людей *верить*. Вера не должна распространяться с мечом в руке. А если это происходит, то такая вера не может быть истинной...

Во время свирепых войн и борьбы, наступивших после бегства Магомета из Мекки, он начал диктовать писцам свою священную книгу – Коран (буквально – "чтение", "то, что предназначается для чтения"). Мусульмане относятся к своему Корану с таким благоговением, какое не многие из христиан питают к Библии. У мусульман есть такие мечети, в которых Коран прочитывают ежедневно весь целиком; тридцать мулл попеременно принимают участие в этом чтении и прочитывают эту книгу в течение одного дня. Говорят, что некоторые мусульманские учёные за свою жизнь прочитывали Коран 70 тысяч раз. Мусульманские судьи решают дела по Корану. Всякий мусульманин должен изучать его и искать в нём ответы на все вопросы своей жизни, хотя надо сказать, что это очень утомительное чтение, потому что последователи Магомета получили не цельное произведение, а сборник иногда мало связанных между собой отрывков. Но мусульмане верят, что если книга исходит из самого сердца человека, то она найдёт себе доступ к сердцам других людей; искусство и мастерство автора в таком случае значат очень мало... "Я – народный проповедник", – говорил о себе Магомет. Он не творил никаких чудес, но ни одному императору с короной на голове люди не подчинялись так слепо, как этому человеку в халате, заплатах и собственными руками.

Одно только это – слепое подчинение другому человеку – вызывает у меня отторжение. Я понимаю, что вера, в отличие от убеждения, не требует доказательств, и мне понятно поклонение Богу, то есть Высшему (по сравнению с человеком) Существо. Но искреннее поклонение и слепое подчинение другому *человеку*, пусть и великому, вызывает у меня отвращение и сомнение в истинности его учения и в чистоте его намерений...

В любой религии можно найти по-своему мудрые правила жизни и зёрна истины. Ислам не отрицает наслаждения. Наслаждаться тем, что приятно, – в этом нет ничего преступного. Скверно, однако, если мы даём наслаждению победить наше собственное *я*. Человек должен иметь власть над своими привычками и показать, что он может быть выше их, когда это потребуется.

Вера – великое дело. История всякого народа становится великой и возвышает душу, если народ уверует в своё высокое предназначение.

Пророк устремляет свой взор на то, что мы должны любить. Иначе – как бы он мог знать, что мы должны делать?

Меня коробит от слов "должны любить". Я любил и люблю многих людей, но я никого не должен, не обязан любить. Помню, во время педагогической практики одна университетская преподавательница сказала мне: "Вы должны заставить детей полюбить литературу". "Извините, – ответил я ей, – но "заставить полюбить" нельзя. Никого. Даже детей"...

Реформатор представляет собою лицо, без которого не может обойтись история. Необходимо относиться с большой терпимостью к идеалам, которые осуществляются на практике.

Появление великого поэта служит признаком того, что эпоха, породившая его, достигла своего полного развития и завершается; что в скором времени наступит новая эпоха, понадобятся новые реформаторы.

Очень глубокая мысль! Появление Солженицына – последнего из великих русских писателей – было признаком завершения советской эпохи. Более того. Оно было признаком того, что русская художественная литература как разновидность искусства доживает свои последние дни, а на смену ей идут кино и интернет.

Как хорошо было бы, если бы мы могли двигаться по *гладкому* пути; если бы для постоянного движения жизни было достаточно одних только *мирных* пастырей! Но в действительности жизнь совершается не так. Появляющийся время от времени *воинствующий* реформатор представляет собою необходимое и неизбежное историческое явление.

При каких угодно условиях, чтобы *действовать* с полной уверенностью, человек должен горячо *верить*. Нет никакой необходимости в том, чтобы человек сам *открывал* ту истину, в которую он *верит*. Но когда вера теряет свою истинность, тогда и поступки, обусловленные ею, становятся лживыми.

Человек по самой природе своей имеет тенденцию считать собственное мировоззрение окончательным.

Всякое поклонение совершается при помощи символов. Но в эпоху пророков ни одна человеческая душа уже не верит искренне в своего идола или в свой символ.

Протестантизм составляет совершенно новую эру, радикально отличающуюся от всех, пережитых до тех пор миром, – эру "*личного суждения*".

Лютер выступил против индульгенций, заявил, что ни один человек не может *купить* себе прощение грехов. Это было началом Реформации.

Отдавая должное несомненным благам, которые несёт с собою новое, не будем несправедливы и к старому. Ведь старое тоже было когда-то новым и истинным. **NB** Старое никогда не погибает, пока всё хорошее, заключающееся в нём, не перейдёт в практику нового.

Искусство писать является, без всякого сомнения, самым удивительным делом, до которого только дошёл человек. Всё, что человечество делало, о чём мыслило, к чему стремилось, – всё это покоится на страницах книг. Книга – величайшее сокровище человека... С изобретением книгопечатания, были преобразованы все университеты. Книги сделали университеты лишними! Учителю больше незачем собирать вокруг себя слушателей.

Пусть он напечатает книгу и все ученики приобретут её. Истинный университет нашего времени – это собрание книг.

Со времени изобретения книгопечатания университеты просуществовали, однако, больше 500 лет и продолжают существовать. А вот будущее бумажной книги сегодня под вопросом. Ничего не вижу плохого в том, что люди будут читать книги, напечатанные не на бумаге, а на экране компьютера. Плохо только, если люди перестанут читать совсем. Уже сегодня 90% людей получают 90% информации о мире из телевизора...

Всё, что человек делает, представляет собою внешнее обличие мысли. Человек не может сделать и кирпича, прежде чем он *подумает*, как сделать кирпич.

Только если он делает кирпичи вручную! При машинном производстве – достаточно бездумно следовать инструкциям и нажимать кнопки...

NB Никто из нас не может сказать, какая общественная организация была бы самой лучшей. Но если вы спросите меня, какая из них самая худшая, то я отвечу: хаос.

Дайте всякому делу время. И если оно сможет преуспеть, значит оно – правое дело.

Проблема в том – *сколько* потребуется правому делу времени, чтобы доказать свою правоту, прежде чем оно *перестанет* быть правым :-)

Порядок держится только истиной. Поэтому порядок и ложь не могут существовать вместе.

Ещё как могут!

Долговечное существование известного порядка не есть достаточное основание для его дальнейшего существования.

В мире не существует правительства, которое воздавало бы должную дань научной любознательности. Умный человек – на вершине всех дел. Такова должна быть цель всех общественных укладов и цивилизаций. Если вам не удастся привлечь такого человека в правители, то вы ничего не достигнете, даже если у вас будет парламент в каждой деревне.

NB Когда миллионы людей не в состоянии при крайнем напряжении сил добыть себе пропитание, это значит, что условия, при которых они живут, должны быть изменены.

Сегодня во многих странах люди получают пропитание без "крайнего напряжения сил", а часто и вовсе без всякой работы. И это значит что условия, при которых они живут, должны быть изменены!

XVIII век – век скептицизма. Скептицизм означает не только умственное сомнение, но и нравственное... Героизм прошёл навсегда. Пришло безбожие... В этом мире нет уже больше места удивлению, величию и божеству.

Изгнание всякого божества из человеческого представления о мире, по моему мнению, есть жесточайшее заблуждение. Разве может человек при таких условиях поступать героически? Для него не существует ничего, кроме жалкой страсти к наслаждению и страха перед страданием. Жажда рукоплесканий, денег и всякого рода наживы представляет последнее слово в человеческой жизни... Вера, как я её понимаю, есть здоровый акт человеческого духа. Полный атеизм карает в конце концов сам себя.

Автор, видимо, не может и мысли допустить, что нравственность возможна и без веры в Бога. Автору не было ещё и сорока лет. Откуда эти старческие причитания?

Люди перестали понимать, что искренность была некогда возможной.

А вот это – верно.

Скептицизм XVIII века мы должны рассматривать как упадок древних верований, как медленное приготовление новых, более широких верований. Мы не должны порицать людей за скептицизм. Он был неизбежным явлением. Мы должны понять, что разрушение старых *форм* не есть разрушение вечных *сущностей*, что скептицизм есть не только конец, но и начало.

! В мире полно олухов. А вы добились *всеобщего* голосования!

Эти люди не вышли победителями из жизненной борьбы. Но величайшей похвалы заслуживают они за то, что честно сражались. Они пытались жить не воруя и при этом не умереть с голоду.

NB Идеалы никогда в полной мере не осуществляются в действительности. Идеалы всегда должны оставаться на значительном расстоянии, и нам приходится довольствоваться известным приближением к ним. Но идеалы должны существовать. Если мы вовсе не будем к ним приближаться – всё погибнет.

NB Нет дела, связанного более тесно с нравственностью, чем дело управления и повиновения.

Истинный руководитель практической жизни всегда представляет собою до известной степени также и руководителя духовной жизни.

Человек существует для того, чтобы превратить всё беспорядочное и хаотичное в упорядоченное и урегулированное. Поклонение героям укрепляет вечную надежду человечества на упорядочение дел мира сего.

NB Искренний человек по своей натуре – сын порядка. Работа на пользу революции ставит искреннего человека в трагическое положение.

Людей, жизнь которых основывается на реальности и правде, а не на традиции, превратившейся в неправду, мы называем свободными людьми.

Кромвель был человек громадных способностей, необычайного таланта и отваги. Никто другой не решался привлечь власть к суду, а он решился. Но он изменил своему делу. Личное честолюбие и двоедушие взяли верх.

Не один только *голод* породил французскую революцию, но также и сознание невыносимой, всепроникающей *лжи*.

Целый народ, как и отдельный человек, представляет собою печальное зрелище, когда неискренность и скептицизм разъедают его существование. Если в такую пору среди людей и появится истинный вождь, то это принесёт мало пользы: люди не узнают его.

NB Надо учиться замечать людей, которым можно верить.

Я бы добавил: тот, кто не доверяет своим искренним помощникам, в конце концов окажется игрушкой в руках льстецов, мошенников и проходимцев.

Человек, который позволяет неправде заполнить его сердце, подвергается жестокому наказанию: он не умеет отличить истинное от ложного.

Наполеон: "К чему разговоры? Зачем вы пререкаетесь друг с другом? Это не приведёт ни к какому результату, ни к какому делу. Лучше не говорите ничего, если вы не можете ничего сделать".

"ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ" (1843)

! С помощью прошлого автор старается осветить настоящее и будущее. Прошлое есть факт. Будущее тоже есть факт. *Тот же самый факт*, только в новом облачении и в новых условиях.

Молчаливые англичане устанавливают порядок в странах, населённых дикарями. Молчаливые русские воспитывают и приучают к порядку полчища варваров на огромной территории от Финляндии до Камчатки.

Редкое признание цивилизаторской миссии России. Обычно, русских тоже считают дикарями и варварами.

Новая, промышленная аристократия для нас, бесспорно, более необходима, чем старая, феодальная аристократия. эпос настоящего времени не Оружие и Человек, а Орудие и Человек.

Каков Народ, таково и Правительство. Правительство призвано указывать на то, что должно быть сделано. Но Правительство не может сделать того, чего Народ коренным образом не расположен делать.

Любовь нельзя купить за наличные. А совместная жизнь без любви – для многих людей невыносима.

Вечные звёзды снова начинают светить, когда становится достаточно темно...

"ЭТИКА ЖИЗНИ" (сборник 1902 г.)

Многие из нас должны вслед за Самюэлем Джонсоном честно признаться: "Значительную часть жизни своей потратил я зря".

Благословен тот, кто нашёл себе любимое дело... Из ленивого человека самая благосклонная судьба не создаст ничего... Когда человек, наделённый способностью к познанию, умирает в невежестве, я называю это трагедией.

Чем бы человек ни занимался, его работа будет тогда лишь хороша, если он знает, *когда нужно остановиться*. Человек здоровый духом прилагает ко всякому делу ровно столько стараний, сколько оно заслуживает, и потом без угрызений совести оставляет работу в покое.

NB Подарите человеку полмира – и он заведёт ссору с владельцем второй половины и будет утверждать, что его обидели.

Если человек говорит действительно то, что думает, то у него всегда найдутся слушатели.

Новалис: "моё убеждение становится сильнее, когда другой человек признаёт его".

Страна, в которой народ до глубины души охвачен какой-нибудь идеей, завладевшей всеми её жителями, – такая страна сделала шаг вперёд, после которого уже нет возврата к прошлому.

Спорное утверждение. Идея, которая сильна среди отцов, часто слабеет среди детей и сходит на нет среди внуков... "Ничто не вечно под Луной"...

Духовный рост должен пробиваться сквозь затруднения, иначе он совсем остановится.

Самонаблюдение – несомненный признак болезни. В основании его лежит болезненное стремление постоянно оглядываться назад для измерения пройденного расстояния. Между тем, единственная наша задача – безостановочно продвигаться вперёд, в будущее.

Лень живёт без надежды. В работе лежит надежда, даже если эта работа делается только ради денег.

! Говорят, что гусь, если обвести вокруг него черту мелом, никогда не посмеет переступить эту черту и, возможно, даже умрёт с голоду, хотя будет ясно видеть, что за чертой есть еда.

Мозгов у гуся, видимо, мало, но в то, что он "умрёт с голоду", не очень-то верится...

Собственный опыт берёт большую плату за учение. Но и учит лучше всех других учителей.

Надежда мира заключается в том, что когда-нибудь миллионы людей станут такими, какие сегодня встречаются в единичных случаях.

Безрассудная молва болтает только о неудачах, а не говорит о том, что было сделано. Безрассудная история видит в прошлом только грех и беду, и никакой работы, никакого созидания.

Это правда. И это очень странно. Потому что противоречит свойству человеческой памяти помнить из прошлого только хорошее и забывать всё плохое (поэтому многие люди думают, что в прошлом было больше хорошего, чем в настоящем). Но память человечества в целом устроена, видимо, по-другому: в исторической памяти остаются, главным образом, бедствия и войны, а не успехи и достижения. Есть что-то глубоко несправедливое в том, что имена жестоких тиранов и разрушителей остаются в истории навечно и известны каждому школьнику, а имена строителей и созидателей известны далеко не всем... Отсюда и известная фраза о том, что "счастлив народ, коего календари остаются пустыми" или "счастлив народ, у которого нет истории".

Из комментариев к книге "Теперь и прежде" (М. : "Республика", 1994):

"Нужны великие бедствия, чтобы явились великие люди" (Ипполит Тэн. "История английской литературы". М., 1904).

"Каждая книга на каждого из нас влияет тем сильнее, чем больше опорных точек она находит в запасе наших собственных мыслей" (М. Гершензон. "Письма к брату". М., 1927)

"Мы сотканы из той же ткани, что и наши мечты, и наша маленькая жизнь окружена сном" – слова учёного мудреца Просперо из "Бури" Шекспира (по-английски "мечта" и "сон" – это одно и то же слово: dream).

bona fide (лат.) = чистосердечно, искренне, добросовестно

! Прежнее название Австралии – Новая Голландия.

Habeas Corpus Act – принятый английским парламентом в 1679 году закон о неприкосновенности личности. В нём устанавливались правила ареста обвиняемых и привлечения их к суду.

"Всякая сила, раз она действительно существует, становится со временем организованной силой" (Карлайл).

После того как *Билль о реформе* (1832) стал законом, число избирателей в Англии увеличилось вдвое и достигло 30%. Вторая парламентская реформа имела место в 1867-ом году, третья – в 1884-ом.

пес plus ultra (лат.) = самый лучший, непревзойдённый

Араге Satanas (лат.) = Изыди, Сатана!

Когда нагая леди Годива (Годайва) проехала на коне по главной улице города, все жители, из скромности, закрыли ставни. Единственный из них, который подглядывал в щёлку, тут же ослеп.

Известнейший в Лондоне франт (денди) Джордж Бруммель (Brummel, 1778-1840) был законодателем мод и имел прозвище "красавчик Бруммель" (*фр.* Beau Brummel). Его имя стало нарицательным.

juste milieu (фр.) = золотая середина
